

DOI 10.35775/PSI.2025.125.8.005

УДК 930.85

Е.Н. ВОЛОДЬКОВА

кандидат исторических наук,
Ставропольский государственный педагогический
институт, Россия, г. Ставрополь

Г.И. МАЛЯВИНА

кандидат исторических наук,
Ставропольский государственный педагогический
институт, Россия, г. Ставрополь

РАЗВИТИЕ СОЛЯНОГО ДЕЛА И СПЕЦИАЛЬНО- ТОРГОВОЙ ОТРАСЛИ СОЛЕВАРЕНИЯ НА КУБАНИ И СТАВРОПОЛЬЕ В XIX ВЕКЕ

В статье предпринят анализ процесса добычи соли и развития данного вторичного промысла в рамках специально-торговой отрасли на Юге России. В качестве основного материала исследования выступают источники официального и периодического характера, взятые на базе территорий Кубани и Ставрополья. Актуальность исследования отражена в его культурной и социальной направленности: статья сосредоточена на раскрытии роли повседневного труда в жизни крестьян и казаков, создавших уникальные традиции ведения хозяйства как «люди в истории». Практическая значимость исследования обусловлена возможностью расширения представления о сущности казачье-крестьянского мира на Юге России в условиях меняющейся эпохи XIX века. Цель исследования – комплексный анализ социальных и культурных особенностей развития соляного производства на Кубани и Ставрополье казаками и некоторыми семьями зажиточных крестьян. В методологический аппарат исследования вошли методы исторической науки и культурологии. В результате исследования определены тенденции развития промысла по добыче соли, а также культурные концепты повседневной жизни и особенностей труда местного населения.

Ключевые слова: добыча соли, повседневность, казачество, крестьянство, ментальность, номадизм, традиция.

Введение. Соляное дело на Юге России издревле было занятием рискованным и, в то же время, невероятно перспективным, однако, позволить себе заниматься добычей соли в качестве основного типа хозяйствования не могли даже казаки и купцы, поэтому данная отрасль считалась вторичным промыслом, призванным не обеспечить семью или «сколотить состояние», а развить уже имеющееся хозяйство, выведя его на новый уровень

Выраженный характер специально-торговой отрасли на Кубани и Ставрополье в рассматриваемый период постепенно приобретает «соляное

дело» – добыча соли на государственных и частных месторождениях и залежах. В середине XIX в. значительно расширяются площади солеобрабатывающих мануфактур, предприятий.

В условиях видимого отсутствия конкуренции соляным делом занимались казаки, государство использовало труд крестьян, слабее вовлечены в соляное дело в Кубанской области и Ставропольской губернии были горцы, ногайцы, калмыки и т.д. Только некоторые кавказские горцы умели правильно добывать и обрабатывать соль, при наличии соответствующих навыков, их нанимали казаки, чтобы самим заниматься первичными промыслами, оставляя, например, братьев, кумов или младших членов семьи следить за темпами работы на соляных озерах.

Обзор источников и историографии. Источниковая база исследования включает в себя исторические источники разных типов и видов: фольклор, результаты экспедиций и письменные источники, в свою очередь представленные архивными сведениями, очерками и местной периодикой, а также хозяйственными описаниями и справочными изданиями. На момент начала XIX века и освоения территорий Кубани и Ставрополя особенно следует выделить «Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губерний по гражданскому и естественному их состоянию в отношении к земледелию, промышленности и домоводству» И.В. Равинского [6], к середине века соледобыча наиболее подробно описывается в отчетах по Кубанскому войску [3] и в «Исторической памяти Кубанского полка Кубанского казачьего войска» В.Г. Толстого [10], а в конце XIX века выделяются Кубанские областные ведомости [2] и сведения, собранные по данным мировых посредников в 1888-18889 гг. [7] на примере губерний Бакинской, Елисаветпольской и Эриванской, а также тех, с которыми местные купцы активнее всего взаимодействовали.

1. Развитие промысла и особенности соледобычи. На Кубани и Ставрополье была распространена соль морского происхождения, которая имела массу примесей из других минеральных солей, что вело к необходимости ее длительного очищения. Соль могла быть серого, бурого, серо-бурого, розового и буро-розового, иногда темно-малинового цветов. Казаки практиковали крупный и мелкий помол, но добыть чистую соль удавалось не всегда, так, станичникам приходилось дочищать ее самостоятельно. В зависимости от степени чистоты, казаки условно делили соль на категории «чистая», «отличная», «хорошая», «годная» или «подходящая» и «плохая». 93% всей добываемой соли так или иначе получала казна, оставшуюся части делили между собой богатейшие казаки и купцы I гильдии [4. С. 601].

Соляные промыслы находились в руках казны, только самые богатые казацкие семьи могли позволить себе иметь собственное предприятие или хотя бы промысел. Крупнейшее место ломки еще с середины XIX в. было обозначено в Ставропольском уезде, в месте, где сложились прогрессивные торговые связи казаков-ставропольцев и греческих поселенцев. На базе соляных озер Джима в конце XIX в. казаки и государственные крестьяне в сумме могли добыть

до 350 тыс. пудов соли в год. Отсюда готовую продукцию – очищенную и обработанную соль – отправляли на меновые двory Астраханской, Черноморской губерний, здесь соль перепродавалась и экспортом отбывала за рубеж или доставлялась в столицу непосредственно к императорскому двору, менее ценная соль уходила во внутренние, центральные губернии. На меновых дворах, рынках и ярмарках следили за развозом соли купцы I гильдии, доверенные лица губернаторов и областных начальников [4. С. 605].

Соль из озер Гайдукских и Маджарских в Астраханской губернии добывалась как именитыми екатеринодарскими семьями казаков, так и кубанцами, небольшой группой ставропольского казачества. Эту «избыточную» соль разрешалось использовать казакам на свое усмотрение. Действовал принцип своячничества, так как никто иной, кроме лиц, официально принадлежавших к казачьему сословию или купечеству, не мог добывать соль на частных предприятиях в Астраханской губернии. Так, сравнительно небольшой налог обеспечивал огромную выгоду с продажи гайдукской и маджарской соли, хотя, нужно сказать, что кубанцы, как правило, отправляли ее не за рубеж, а в Закавказье, либо – перепродавали грекам; то же было в случае с ногайцам или калмыками [6. С. 228].

Менее прибыльные соляные озера находились в степи Мало-Дербетовского улуса, ставропольская часть которого являлась торговым постом для соединения путей сообщения между казаками, купцами и ногайскими племенами. Соляные промыслы Кубанской области и Ставропольской губернии являлись «закрытыми», как и во всей Российской империи, исключая Дальний Восток. В природе края поваренная соль была широко распространена в виде растворов соляных озер и подземных источников (которые, однако, не обрабатывались), а вот пласты каменной соли присутствовали в небольшом количестве и практически не разрабатывались. Что же касается самосадочной соли озер, то здесь присутствовало множество развитых промыслов комплексного типа (у казны, на примере частных предприятий и промыслов – у казаков и купцов, закавказских горцев) и простого типа (у кавказских горцев) [5. Л. 103].

Основными способами добычи являлись следующие:

- 1) добыча садочной поваренной соли комплексным бассейнным способом;
- 2) добыча самосадочных солей из морских заливов простым типом промысловой деятельности;
- 3) добыча самосадочных солей из соляных озер комплексным или простым типом промысловой деятельности;
- 4) добыча соли при помощи плоских бассейнов с садкой;
- 5) карьерный способ – добыча затвердевшей соли вблизи поверхности;
- 6) шахтный способ – добыча каменных пластов на глубине 100-500 м;
- 7) переработка искусственных или естественных рассолов путем однолинейной выварки;
- 8) двойная и тройная выпарки солевых скоплений [3].

Казаки добывали соль с мая по сентябрь, в период, когда на Кубани и Ставрополье сухой ветер сопровождался потеплением погоды, постепенно переходящим в жару и засуху в отдельных возвышенностях и полустепях края. Такие климатические условия идеально подходили для добычи соли, однако, жара сама по себе делала данный промысел достаточно сложным для повседневного труда, именно поэтому казаки часто использовали в качестве наемных работников крестьян, горцев и т.д. Классический процесс добычи соли на Кубани и Ставрополье происходил следующим образом: из крупного солевого источника в деревянные кадки набиралась вода с илом из горной реки, из кадок (кадушек) через ил вода сцеживалась в подкладываемую снизу емкость, тогда быстро просыхающий под палящим солнцем ил можно было снова использовать. Данный процесс проделывался 3-4 раза, чтобы раствор стал более концентрированным. Для того чтобы определить нужную концентрацию сцеженную воду пробовали на вкус. Если соль подходила, то ее оставляли сушиться на солнце. Готовый раствор разливали в ведра и уносили на раздаточный пункт (ориентир); в случае с частными промыслами – могли уносить сразу в усадьбы и курени, на базы, с заранее подготовленными емкостями. У кубанцев существовала традиция довыпаривать соль дома в котлах, но уже в 1910-е гг. от нее постепенно стали отказываться [8].

В рамках частных промыслов навесы для выпарки соли строили казаки, у крестьян не хватало требуемых знаний и умений для формирования правильного пространства. Навесы из-за выпарки часто гнили, старые сносились, а новые обрабатывались соленым песком (как, например, сараи и некоторые базы на Кубани). Главным требованием было не допустить намокание соли, если подует влажный ветер или будет дождь; во втором случае было выгоднее перенести соль под один большой железный или «многослойный» деревянный навес. Опыт горцев позволил казакам использовать выпариваемую соль при приготовлении колбас, сушеного мяса, куски которого подвешивались за верхнюю часть навеса. Во многом эта особенность повседневности труда привлекала казаков самим заниматься соляным делом, не считая фактор выгоды как таковой [8].

Для нас важно понимать, какую роль играла соль и в досуге, и в формировании ментальности кубано-ставропольского казачества.

Хлебосольные традиции, единые в сознании казаков и горцев, получили развитие в быту и обрядах, когда обобщались приветствия, формы трапезы и восхваления добытой, приготовленной пищи. Хлебосольство подразумевало «радушное угощенье», стремление хозяина принимать у себя множество гостей.

Результаты этнокультурологической экспедиции и материалы, собранные М.М. Забылиным показывают, что у кубанских казаков были распространены такие пословицы и поговорки, связанные с хлебосольными традициями:

1. *Без хлеба да соли худа беседа.*
2. *Боронись хлебом-солью.*
3. *За хлеб, за соль, за милость вашу.*

4. *Лучше хлеба с солью не придумаешь.*
5. *Не за хлебом-солью сказано.*
6. *От хлеба-соли не отказываются.*
7. *После хлеба-соли семь часов отдыхают.*
8. *Тебе хлеб да соль – мне дрему да сон.*
9. *Хлеб да соль, и обед пошел!*
10. *Хлебом-солью отца мать не объела молода.*
11. *Хлеб-соль водить – не безмен носить.*
12. *Хлеб-соль да камень за пазухой носи.*
13. *Хлеб-соль ешь, а правду режь.*
14. *Хлеб-соль кушай да добрых людей слушай.*
15. *Хлеб-соль на столе, а руки свое.*
16. *Хлеб-соль не бранится.*
17. *Хлеб-соль отплатное дело.*
18. *Хлеб-соль платежом красна [1; 9].*

2. Интеграция соли в казачье-крестьянский мир. Сочетание хлеба и соли у восточных славян имело свою символику, на Кубани хлебосольство включило в себя новые знаковые воззрения и систему ценностных суждений. Соль защищала от сглаза, помогала в заговорах (молитвах), съесть кусочек хлеба с солью в конце, после обеда – считалось, к счастью и достатку. В быту казаки использовали квашню, тесто, хлеб и соль, поднося их в красный угол, размещая под иконой. Православные категории актуализировали хлебосольство в рамках традиции и совокупности обрядовых комплексов, однако, сохранились и языческие элементы хлебосольства. Чтобы задобрить злого духа, домового, казаки и зажиточные крестьяне клали кусочек хлеба на чистую белую тряпку, посыпая край солью. Оставляли дар у порога, на подоконнике, на столе возле окна или во дворе, на столбе для забора или ворот [2].

Другая традиция, характерная для Ставропольской губернии, заключалась в следующем: приводя в дом новоприобретенную корову, казак или крестьянин давал ей заслонки хлеб-соль, шепча и приговаривая: **«Заслонка от печи не отходит, и ты со двора не отходи»**. Был распространен обряд «относа русалкам» (1), по которому казаки и крестьяне при пропаже «любимой» скотины (обязательно названной), желая вернуть утерянное, подносили дары к высокому дереву в лесу. Было необходимо собрать в узел лапти, онучи или другую качественную часть обуви, хлеб и соль. Собранный и укомплектованный дар подвязывали на ветви дерева, приговаривая: **«Русалки вольные! Примите мой дар да возвратите скотину»**. Хлебосольная традиция была тесно связана с танатологическими мотивами повседневной жизни. Так, в ходе похоронной процессии вдову должны были вести две лучшие подруги, одна – с иконой в руках, другая – с хлебом, посыпанным солью... Возвращаясь с похорон три подруги брались за руки, молились и должны были три раза обойти ближайший колодец, прося за упокой [1. С. 10].

Разумеется, широчайшие обрядовые и ритуальные части в казачьих традициях были связаны с использованием соли, что восходило к стародавним временам, когда соль ценилась на вес золота.

В начале XX в. соляное дело развивается и интегрируется во все сферы общественной жизни. Соль использовалась во многих других промыслах, например, при засолке рыбы, солении мяса, птицы и дичи. Ритуалы, связанные с охотой или пчеловодством, иногда подразумевали использование щепоток соли. Скот нуждался в лизунцах, особенно – коровы, овцы и козы. Все это в совокупности обусловило интенсивное развитие соляного дела в рамках частных промыслов и еще больше повысило статус казачества в глазах местного населения [10].

В целом, соледобыча и вторичные промыслы кубано-ставропольского казачества отражали номадизм повседневности труда и, частично, повседневности быта, реализуя в раздробленной форме актуализма и агонизма. Номадический актуализм отражал склонность к занятию теми формами сельского хозяйства, которые не приносили ту же выгоду, что и первичные промыслы, но вызывали внутренний интерес, установку на детальное, усидчивое занятие одним делом, которое могло даже носить творческий характер. В актуализме раскрывается мотивационная сфера и творческая сторона повседневности, а также некоторые культурные черты и материальные воплощения традиций, обычаев, обрядов и ритуалов. Агонизм, как правило, не дополнял актуализм, но выражался в иной стороне повседневности – в соревнованиях, которые устраивали между собой семьи и станицы [7].

В виде словесных форм творчества актуализм обозначал знаковые воззрения на примере присказок, приговоров, поговорок и пословиц; совокупность феноменов языкового сознания казачества от монем и концептов – до словесных универсалий и метаконцептов – составляла основу устного народного творчества. Особое миропонимание и неоднородные способы обращения к внутримирному обусловили многие аспекты досуга, то, какое занятие мог избрать казак при наличии свободного времени: охоту или рыбалку, занятие пчеловодством, шелководством или соляное дело.

Охота и рыбная ловля являются теми индикаторами, по которым можно проследить развитие агонизма, его трансформацию и наполнение новыми концептами, аксио- и идиоформами. На примере охоты на лис мы раскрыли стремление станичников к «покорению», переложенному на формат нового, обновленного социального пространства, в период *décadence*'а номадизма в аспекте воинской ментальности и апологии номадики природы, сельского хозяйства. С другой стороны, остатки прежней неиссякаемой воли к власти казаков проявлялись, например, в охоте на кабанов и волков.

Традиция «смертельного поединка» хорошо показывает, что номадизм кубано-ставропольского казачества в конце XIX в. вовсе не исчез, но принял иную форму, когда прежние архетипы актуализировались через слова и действия, связанные как с волей к жизни, так и с бытием к смерти, то есть, охотничьими проявлениями бессознательной воинской агрессии [7].

Рыбная ловля отражала те же ризомы, но не только в рамках актуализма и динамического ощущения своего казачье-крестьянского «мира», а через агонизм, в котором ощущение времени было сильно подвержено влиянию статистического начала георгиевской культуры. Соревнования и творческая деятельность, будь то создание удилищ или складных мест для рыбалки, процесс выжидания, свойственный для охотника, раскрывали номадику деятельности и – опосредованно – номадику природы, когда казак, например, рыбачил под дождем или, наоборот, вслушиваясь в тишину, предвкушал богатый улов.

Пчеловодство и шелководство не получили должного распространения по причине того, что были неактуальны не только для казачьего населения края, но и для подавляющего числа жителей в целом. Пчеловодство как индикатор георгиевской культуры и очаг ее распространения в казачьей среде, было востребовано казаками, все же, ввиду влияния прочих промыслов. Утилитарная перспектива подразумевала закуп меда для производства алкогольной продукции и сладостей, но в хозяйствах, где было особо развито виноделие, казаки считали разумным заняться также и пчеловодством.

В Ставропольской губернии, где многие казаки не воспринимали землепашцев через призму комплиментарности и исключительно поведенческих стереотипов, пчеловодство пользовалось относительной популярностью. Но важно понимать и то, что в конце XIX в. много крестьян перешло в казачью сословие, и, если на примере отдельно взятых семей, по родословным, можно отследить корни, то извлечь эти сведения из статистических данных достаточно сложно. Во-первых, из-за того, что в местных источниках необходимая информация присутствовала только в целом, по уездам и редко – по станицам; во-вторых, из-за утраты многих статистических данных за 1895-1900-е гг. в связи с революционными событиями 1917 г. [1].

Выводы. Таким образом, соляное дело было крайне выгодным промыслом, но занимались им только богатые казачьи семьи, делившие свободные места, выделенные государством под частные промыслы, с купечеством. Если в середине XIX в. соляным делом казаки предпочитали заниматься сами, то уже в конце века стали прибегать к труду крестьян-найма. Горцы, многому обучившие казаков в рамках данного промысла и бывшие на голову выше в технологии очистки соли, нанимались реже, тем не менее, их труд обычно не ценился дороже крестьянского. Сами казаки занимались соляным делом в основном по двум причинам: для соревнования с другими семьями (как правило, с соседями) и удачного времяпрепровождения с возможностью устроить нечто наподобие пикника, подвесив за верхушку навеса куски мяса или рыбы.

С уверенностью можно сказать только то, что больше половины кубанцев и ставропольцев, которые раньше были крестьянами и перешли в казачье сословие в конце XIX в., занимались пчеловодством. Таковы были особенности развития вторичных промыслов казачества Кубани и Ставрополья на рубеже XIX-XX вв.

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) Вопреки расхожему мнению, сформировавшемуся под влиянием неверного перевода сказки Х.К. Андерсена «Den Lille Havfrue» (с дат. – «Маленькая морская дева»), русалками в славянской мифологии назывались девы-птицы. Те мифические персонажи, которых сегодня ошибочно принято называть русалками, восточные славяне именовали «мавками».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Забылин М.М.** Русский народ: его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. Рига: Корд, 1991.
2. Кубанские областные ведомости. Екатеринодар, 1881. № 1.
3. Отчеты по Кубанскому войску со сведениями о численности населения, о состоянии заводской промышленности, промыслов, 1870-1871 гг. // РГИА. Ф. 1268. Оп. 18. Д. 150. 146 л.
4. Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г. / Под общ. ред. В.Н. Ратушняка. Краснодар, 1996.
5. Приказы атамана Майкопского отдела об увольнении со службы нижних чинов по болезни, о работе станичных атаманов (копии) и списки нижних чинов, 20 февраля 1901 г. – 16 ноября 1901 г. // ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 16. 103 л.
6. **Равинский И.В.** Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губерний по гражданскому и естественному их состоянию в отношении к земледелию, промышленности и домоводству. СПб.: Императорская тип., 1809.
7. Сведения после государственных крестьян, живущих на владельческой земле в губерниях Бакинской, Елисаветпольской и Эриванской, с показанием количества десятин находящейся в наделе или пользования у названных крестьян, а также размера и вида повинностей, уплачиваемых крестьянами за эти земли / сост. при Закавказском статистическом комитете по данным мировых посредников 1888-89 гг. Тифлис: Тип. Грузинского Издательского Т-ва, 1893.
8. **Смирнов М.** Очерк хозяйственной деятельности Ставропольской губернии к концу XIX в. Ставрополь, 1913.
9. Терское казачество в прошлом и настоящем: Памятка терского казака / Сост. М.А. Караулов. Владикавказ: Из войскового штаба терского казачьего войска, 1912. Вып. 18.
10. **Толстов В.Г.** Историческая памятка Кубанского полка Кубанского казачьего войска. 1732-1912. Екатеринодар, 1912.

E.N. VOLODKOVA

Candidate of Historical Sciences
Stavropol State Pedagogical Institute,
Stavropol, Russia

G.I. MALYAVINA

Candidate of Historical Sciences
Stavropol State Pedagogical Institute,
Stavropol, Russia

DEVELOPMENT OF THE SALT INDUSTRY AND THE SPECIAL-TRADE BRANCH OF SALT PRODUCTION IN KUBAN AND STAVROPOL TERRITORY IN THE XIX CENTURY

The article analyzes the process of salt mining and the development of this secondary industry within the framework of a special trade industry in the South of Russia. The main material of the study is official and periodical sources taken from the territories of Kuban and Stavropol. The relevance of the study reflected in its cultural and social focus: the article focuses on revealing the role of everyday work in the lives of peasants and Cossacks who created unique traditions of farming as «people in history». The practical significance of the study is due to the possibility of expanding the understanding of the essence of the Cossack-peasant world in the South of Russia in the changing era of the 19th century. The purpose of the study is a comprehensive analysis of the social and cultural characteristics of the development of salt production in Kuban and Stavropol by the Cossacks and some families of wealthy peasants. The methodological apparatus of the study includes methods of historical science and cultural studies. As a result, trends in the development of the salt mining industry, as well as cultural concepts of everyday life and labor characteristics of the local population are determined.

Key words: salt mining, everyday life, Cossacks, peasantry, mentality, nomadism, tradition.